

A woman with dark hair, wearing a black lace dress and a black mask, is seen from the back, looking out over a city at night. The city features a large domed building, likely St. Mark's Basilica, with its lights reflecting on the water. The scene is framed by an arched window or balcony.

ВЕНЕЗИА НЕРА

ЛИНА КРИВЕНКО

18+

Лина Кривенко

VENEZIA NERA

<https://litres.ru/74321349>

SelfPub; 2026

Аннотация

Венеция.

Двадцать четыре года, зелёные глаза и безупречные руки - ведущий реставратор Несса Вейн всегда верила, что её жизнь подчиняется строгим законам науки. Пока один вечер на аукционе не перечеркнул её прошлую жизнь. Проданная за пять миллионов евро, Несса оказывается заперта в мрачном Палаццо.

Её владелец - Дамиано Уолтер. Жесткий, властный, не признающий возражений мужчина со шрамом и темным прошлым. Ему нужны знания Нессы, чтобы вскрыть «Шифр Мануция» - древнюю книгу 17 века, защищенную механизмом и иглой с арсенитом.

Но в Палаццо появляется второй игрок.

Кристиан Ноэл - холодный эстетист и близкий соратник Дамиано, с которым они вместе вылезали из грязи и делили влияние в городе. Кристиан быстро понимает: гордая, дикая Несса - единственный ключ к затопленным криптам Морозини.

Оказавшись зажатой между двумя могущественными мужчинами, плетущими свою опасную игру на грани ревности и контроля, Несса отказывается быть их безгласным лотом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лина Кривенко

VENEZIA NERA

Пролог

— Ты снова пытаешься просчитать нас, Несса, — произнес Кристиан.

Он стоял у высокого венецианского окна, за которым ночной шторм швырял черную воду лагуны на мраморный балкон. В его руках был хрустальный бокал с янтарным жидкостью, но смотрел он не на напиток. Его глаза через отражение в стекле впивались в неё.

— В твоей маленькой реставрационной головке всё должно подчиняться формулам, — продолжал он, медленно поворачиваясь. Каждое его движение было выверено с точностью хирурга. — Завязка, кульминация, логичный финал. Но ты забыла главное правило этого палаццо: здесь нет логики. Здесь есть только воля.

Несса сидела в глубоком бархатном кресле в центре огромной, утопающей в полумраке библиотеки. На ней не было маски. На них двоих - тоже. И эта обнаженность лиц пугала её куда сильнее, чем фарфоровые фальшивки, за ко-

торыми они скрывались на аукционе.

— Вы не воля, Кристиан, — Несса заставила себя поднять подбородок, хотя сердце в груди колотилось о ребра, как пойманная птица. — Вы просто двое искушенных мужчин, которые возомнили себя богами в этом гниющем городе. Вы думаете, если вы выкупили эти документы, вы выкупили и меня?

— Мы не покупали тебя, птичка, — раздался из тени у книжных стеллажей низкий, хриплый голос Дамиано.

Он вышел на свет медленно, с хищной грацией дикого зверя. Тяжелые шаги по темному паркету.

Расстегнутый ворот черной рубашки, натянутые ткани на широких плечах, взгляд темных глаз - прямой, сжигающий, не оставляющий пространства для маневра.

Дамиано остановился прямо перед её креслом, наклонился, уперевшись ладонями в подлокотники и зажимая Нессу в тиски своего тела. От него пахло дождем и опасностью.

— Если бы мы хотели тебя купить, — прорычал Дамиано, наклоняясь к самому ее уху, так что его горячее дыхание обожгло чувствительную кожу шеи, — ты бы уже сидела в цепях на одном из катеров, идущих на восток. А ты сидишь в нашем кресле. Пьешь наше вино. И пытаешься колоть нас своими детскими огрызаниями.

— Потому что вы удерживаете меня здесь! — Несса попыталась оттолкнуть его в грудь, но его тело ощущалось как гранитная стена. Пальцы лишь бесполезно сжали дорогую

ткань его рубашки. — Вы оба! Вы играете в спасителей, а сами...

— А сами что? — мягко перебил ее Кристиан, подступая сзади. Его прохладная ладонь легла ей на затылок, пальцы запутались в ее темных волосах, мягко, но недвусмысленно фиксируя её голову, заставляя смотреть прямо в глаза Дамиано. — Закончи фразу, реставратор. Кто мы? Монстры? Или единственные люди во всей Венеции, которые увидели, что под твоей скромной юбкой и правильными манерами прячется дикое, голодное существо, жаждущее разрушения?

— Я не такая... — выдохнула она, и этот выдох вырвался сбивчивым, предательским шепотом.

— Такая, — тихо отрезал Дамиано. Его большая, шершавая ладонь медленно скользнула по ее колену вверх, чуть выше края шелкового платья, оставляя за собой дорожку из огня и мурашек. — Ты дрожишь не от страха, Несса. Ты дрожишь, потому что тебе безумно нравится, что тебя держат двое. Ты фальшивка. Такая же прекрасная и опасная фальшивка, как те картины, что Кристиан сжигает в камине.

— Замолчи... — Несса зажмурилась, пытаясь сбежать от их присутствия, от этого удушливого, сбивающего с толку сочетания холодной эстетики Кристиана и дикой, животной силы Дамиано.

— Не закрывай глаза, — приказал Дамиано, чуть сжав пальцы на ее затылке. Голос был тихим, но в нем звучала сталь, не терпящая возражений. — Смотри на него. Смотри

на меня. Ты хотела разгадать нашу тайну, реставратор? Ты её получила. Теперь плати цену.

— Какую цену? — её голос сорвался.

Дамиано усмехнулся - темно, безрассудно, едва касаясь своими губами её дрожащей нижней губы, но не целуя, выдерживая мучительную, сводящую с ума паузу.

— Нашу цену, Несса. Ты остаешься с нами. Не как пленница. А как наша главная грешница.

Глава 1

Несса Вейн умела оживлять мертвецов.

Разумеется, не тех, что лежат в дубовых гробах под толщей промерзшей земли, а тех, что сотканы из спрессованного льна, тряпичной ветоши, сухих чернил и кожаных переплетов.

Для нее не было разницы: древняя рукопись или истлевший от времени фолиант - у каждого предмета, попадавшего в её мастерскую, был свой пульс, своя история болезней и свои шрамы.

Ей исполнилось двадцать четыре года всего пару месяцев назад. Возраст, в котором большинство ее ровесниц строили карьеру в глянцевых издательствах, выкладывали эстетичные фотографии из сетевых кофейных и искали идеального спутника жизни.

Несса же проводила по четырнадцать часов в сутки в полуподвальном помещении на окраине старого квартала, где ее постоянными спутниками были запах дубильной кислоты, пчелиного воска и въедливый тонкий шум дождя за слепыми окнами.

С внешней стороны Несса казалась хрупкой - почти невестомой. Высокая, тонкокостная, с бледной, почти фарфоровой кожей, на которой остро проступали ключицы. Ее темные, почти черные волосы обычно были небрежно заколоты

длинной деревянной спицей для бумаги, из-за чего несколько мягких прядей вечно выпадали, падая на тонкую шею.

В её внешности не было глянцевої лощеной красоты - привлекательность Нессы расцветала в полумраке, когда она переставала сутулиться и сбрасывала привычную настороженность.

Но главным акцентом её лица были глаза. Глубокого, редкого зеленого цвета - словно темный нефрит или заросший озерный омут. Внимательный, невероятно цепкий, «читающий» взгляд.

Она смотрела на мир так, словно пыталась разглядеть на лбу каждого собеседника скрытый текст или древний водяной знак.

— Ты снова сидишь без света, Несса, — раздался от двери скрипучий, привычный голос.

Она даже не подняла головы от рабочего стола.

— Лампа с лупой дает достаточно света, Марко. К тому же, дневной свет губителен для пергамента 17 века. Ты же знаешь.

Старый Марко - хозяин пекарни на этаж выше, единственный человек, который заходил к ней просто так, - вздохнул и поставил на край ее верстака бумажный пакет, от которого исходил божественный аромат свежей корицы и горячей выпечки.

— Ты погубишь свои глаза, девочка. И спину. В твои двадцать четыре года надо гулять по набережной, свидания на-

значать, а не вытаскивать гниль из старых фолиантов.

— Это не гниль, — тихо, но с удивительной твердостью возразила Несса. Ее тонкие пальцы в нитриловых перчатках привычно замерли над корешком книги. — Это патина. След времени.

— След времени, за который тебе платят копейки, — Марко качнул головой, оглядывая мастерскую.

Помещение действительно напоминало обитель алхимика. Вдоль стен высились дубовые стеллажи, заставленные банками с разведенным пшеничным крахмалом, костяным клеем, растворами спирта, настойками дубильных орешков и коробочками с сусальным золотом.

На специальном сушильном прессе покоились очищенные страницы псалтыря, а на стенах висели старинные гравюры с анатомическими срезами книжных переплетов.

Здесь был ее дом. И ее убежище.

После смерти родителей, разбившихся на обледенелой трассе, когда Нессе едва исполнилось двадцать, она осталась абсолютно одна. Без связей, без покровителей, с огромным долгом за семейную квартиру.

Ей пришлось продать все, бросить престижный факультет истории искусств и уйти в низины ремесла - туда, где требовалась не светская болтовня, а адское, кропотливое терпение.

Она научилась быть незаметной. Натянула на себя строгие, закрытые свитера, перестала пользоваться косметикой и

спрятала свою чувствительность глубоко под слой сдержанности и безупречных манер. Внешне она казалась скромной, тихой реставраторкой, идеальной «серой мышкой».

Но внутри Нессы жил совсем другой человек.

Под этой сдержанностью горел опасный, почти безумный азарт. Несса была жадной. Не до денег - деньги интересовали ее лишь как средство оплаты аренды этой мастерской.

Она была жадной до тайн, до редких текстов, до историй, которые никто не должен был прочесть. В ней жила подавленная, глубокая чувственность, которой она сама боялась.

Ей нравилось ощущение контроля над старыми рукописями, нравился риск, когда один неверный нажим скальпеля мог уничтожить уникальный документ стоимостью в десятки тысяч долларов.

— Спасибо за булочку, Марко, — произнесла она, чуть смягчившись, и впервые за день улыбнулась.

Улыбка мгновенно изменила ее лицо, а в зеленых глазах вспыхнул теплый, живой огонек.

— Я поем. Честно. Как только закончу с этим фальцем.

Старик покачал головой, но спорить не стал. Похлопал ее по плечу и вышел, тихо прихлопнув за собой тяжелую дубовую дверь.

Снова наступила тишина.

Несса сделала медленный вдох, наслаждаясь привычной симфонией запахов: сухая бумага, пчелиный воск, спирт и сладкая корица. Она взяла костяной гладильник и вернулась

к работе.

В её жизни не было места неожиданностям. Каждое утро начиналось с чашки черного кофе без сахара, каждый вечер заканчивался прогулкой до почтового ящика.

В этой рутине была ее безопасность. Никто не мог сделать ей больно, никто не мог предать её или заставить чувствовать себя беспомощной, пока она находилась в окружении своих молчаливых, преданных книг.

Она не подозревала, что ее безопасный мир рухнет ровно через двадцать минут.

Около шести вечера, когда за окном окончательно стемнело и дождь превратился в монотонную ледяную морось, в дверь стукнули.

Звук был странным. Не мягкий стук Марко и не торопливый треск курьера. Это был одиночный, тяжелый, металлический удар, от которого зазвенели стеклянные баночки на верхней полке.

Несса вздрогнула. Скальпель в ее руке замер над страницей. Зеленые глаза сузились.

— Заперто! — громко крикнула она, поднимаясь с высокого стула. — Мастерская закрыта для посетителей!

Ответа не последовало. За дверью не было слышно ни шагов, ни дыхания. Только монотонный шум воды, стекающей по водостоку.

Несса подождала минуту. Сердце почему-то сделало тяжелый, тревожный толчок. Она подошла к двери, щелкнула

задвигкой и осторожно потянула ручку на себя.

На пороге никого не было. Улица была пуста, затоплена серыми лужами, в которых отражались редкие тусклые фонари.

Но прямо на ледяном каменном пороге лежал предмет.

Несса нахмурилась и нагнулась. Это был конверт.

Но не из обычного почтового крафта. Он был вырезан из плотного, невероятно дорогого картона угольно-черного цвета с шероховатой текстурой, напоминающей дорогой шелк. Ни марки, ни индекса.

В центре прямоугольника высилась массивная печать из сургуча - глубокого, ночного цвета с золотой слюдяной крошкой.

На оттиске воска четко просматривался герб: змея, свернутая в идеальную восьмерку, заглатывала собственный хвост, а внутри колец скрещивались два резных гондольных весла.

На лицевой стороне конверта бронзовой тушью - безупречным, каллиграфическим почерком - было выведено: «Нессе Вейн. Лично в руки».

Несса подняла конверт. Он был холодным и тяжело осел в ее ладони. В сургуче сохранился чужеродный для ее мастерской аромат: горький миндаль и пряный, душистый ладан.

Она вернулась за рабочий стол, закрыла дверь на засов и взяла костяной нож. Пальцы слегка дрожали - не от страха, а от проклятого, вспыхнувшего внутри азарта.

Она подрезала край конверта.

Внутри лежали два предмета.

Первый - карточка из черной бумаги с золотым обрезом:

«Ночь Седьмая. Палаццо Морозини-Джибралтар, Венеция. Прибытие строго до 23:00 по морскому времени. Маска обязательна. Наличие данного приглашения подтверждает ваш статус и право на безусловную ставку».

Но вторым предметом был вкладыш.

Несса вытащила его, и у нее подкосились колени. Она тяжело опустилась на стул, распахнув зеленые глаза от изумления и забыв про Марко с его булочками, и про весь остальной мир.

Это был фрагмент сложенного пергамента 17 века - тончайшая, молочно-белая велень, изготовленная из кожи. Выделка мастеров легендарной венецианской типографии. На пергаменте убористым латинским шрифтом был нанесен текст, пересыпанный математическими формулами.

Перед ней лежала оригинальная страница из «Шифра Мануция» - считавшегося сгоревшим каталога закрытого архива Венецианской Республики. Мечта любого архивариуса планеты.

На полях пергамента той же бронзовой тушью была сделана свежая приписка:

«Полный фолиант будет выставлен на аукцион в первую полночь. Если вы хотите, чтобы история сохранилась, Вейн, придите и заберите ее. Или смотрите, как ее купят те, кто

закроет ее в сейфе навсегда».

Несса сидела в полной тишине, глядя на черный сургуч.

Ее разум кричал: «Это ловушка! Откуда у них твоё имя? Откуда они знают про Шифр?»

Но её сердце, её скрытая, голодная натура уже приняла решение. Зеленые глаза потемнели, став похожими на грозовую воду.

Она посмотрит в глаза этому дьяволу. Она поедет в Венецию.

Глава 2

Ноябрьская неббиа - знаменитый венецианский туман - не просто висела над водой. Она вела себя как живое, сырое и безжалостное существо: заползала под воротник пальто, оседала мелкой ледяной взвесью на ресницах и превращала фасады древних палаццо в призрачные, оскаленные челюсти.

Несса стояла на причале, чувствуя, как мороз проникает сквозь подошвы тонких туфель прямо в кости. В кармане пальто она судорожно сжимала конверт с печатью, а в другой руке - ручку потертого чемоданчика.

На часах было 22:30. Город вокруг вымер. Не было слышно ни смеха туристов, ни плеска рейсовых вапоретто. Только монотонный, глухой шум воды, бьющейся об обраставшие тиной сваи.

Внутри у Нессы всё сжималось в тугой, болезненный узел. До этого момента вся её жизнь состояла из предсказуемости. Она заставляла себя жить в строго очерченных рамках, где самым большим риском было случайно повредить истлевшую страницу или опоздать с оплатой аренды мастерской.

Одиночество после гибели родителей стало для неё не просто привычкой - оно превратилось в бронированную стену.

Несса годами уверяла себя, что ей никто не нужен, что книжная пыль, запах воска и тишина полуподвала - это всё,

о чём она имеет право мечтать.

Но сейчас, стоя на краю черной венецианской воды, она впервые за долгое время остро, до физической боли ощутила, насколько беспомощна и одинока.

Под привычной сдержанностью, под маской тихой «серой мышки» бился глухой, отчаянный азарт.

Несса смертельно боялась этого места, боялась неизвестности, но одновременно с этим в ней горела темная, голодная жажда. Она жаждала доказать себе, что всё еще жива. Что способна на поступок.

Что её жизнь - это не просто медленное, пыльное угасание над чужими старыми рукописями. Этот проклятый пергамент 17 века стал для неё спасательным кругом и одновременно смертельной наживкой.

Из тумана без единого звука вынырнула гондола.

Она не имела ничего общего с теми нарядными суденышками, на которых катают влюбленных у моста Риальто. Смоляная, иссиня-черная, с обшивкой из мокрого дуба, обтянутая темным тяжелым сукном.

Гондольер на корме казался частью самой конструкции - высокий, худой, в длинном плаще с глубоким капюшоном, скрывавшим лицо в непроглядной тени.

Не произнеся ни слова, он направил нос гондолы к ступеням и протянул рукавицу из плотной кожи.

Несса замерла.

Разум - тот самый осторожный, въедливый архивариус -

вопил во все горло: «Разворачивайся! Иди на вокзал, сев на ночной поезд до Милана! Это безумие, Несса! Ты же ничего о них не знаешь!»

Чувство самосохранения дёргало её назад, заставляя колени предательски дрожать. Но зеленые глаза сузились. Пальцы сквозь ткань пальто снова нащупали шершавый край пергамента.

Проклятая, неистребимая жадность до тайн, жившая глубоко под ее скромной оболочкой, сжала горло. Несса сделала глубокий вдох, сглотнула подступающий ком и шагнула на качающийся борт.

Они ушли в туман.

Мир сузился до плеска весла и скрипа уключины. Гондола петляла по мелким, узким каналам, где стены домов сходились так близко, что казалось, вытяни руку - и пальцы утонут в мокром мху заброшенных фасадов.

Несса сидела на жесткой скамье, поджав ноги, и смотрела, как мимо плывут слепые, темные окна. Ни одного огонька. Ни одного звука живой жизни.

Мысли хаотично кружились в голове. Ей казалось, что она совершает самую большую ошибку в жизни.

Что, если её просто убьют? Что, если этот конверт - жестокий розыгрыш какого-нибудь коллекционера, решившего посмеяться над нищей реставраторкой?

Несса обняла себя руками за плечи, пытаясь унять внутреннюю дрожь, но холод разрастался изнутри - из самого

центра грудной клетки.

Через тридцать минут характер движения изменился. Звук плеска стал гулким, тяжелым - они вышли в открытую лагуну или в один из затопленных бассейнов на северной окраине города.

Из тумана вырос гигантский массив из черного венецианского камня.

Палаццо Морозини-Джибралтар.

Его нижний ярус уходил прямо в темную воду, а готические окна верхних этажей были заколоты массивными деревянными щитами. Ворота из кованого железа украшал рельеф: змея, свернутая в восьмерку и заглатывающая собственный хвост.

Гондола уткнулась носом в скользкие от водорослей каменные ступени, уходящие под подтопленную арку.

На ступенях стояли двое. Высокие, широкоплечие мужчины в длинных строгих пальто. Их лица полностью скрывали цельные фарфоровые маски - вытянутые к низу, искажающие пропорции.

— Приглашение, — протрещал один из них. Голос прошел через какую-то внутреннюю мембрану, превратившись в механический треск.

Несса дрожащими пальцами протянула черную карточку. Охранник поднес её к латунному прибору.

Щелчок - вспыхнул фиолетовый луч, сканирующий сургуч. С тяжелым металлическим скрежетом решетка ворот

поползла вверх.

— Проходите, синьорина Вейн. Ночь Седьмая открыта. Помните правила: не снимать маску, не называть имен, не покидать выделенную зону.

— Я... я здесь по поводу фолианта Мануция, — вытолкнула Несса, сделав шаг на каменную ступеньку. Ее собственный голос показался ей чужим и тонким, как сухая соломинка. — У меня специальное приглашение, мне нужно спросить...

Второй стражник шагнул вперед, перекрывая ей дорогу своей массивной тушей.

— Внутри нет «специальных» гостей, — отрезал он из-за фарфора. — Внутри есть только покупатели и то, что продается. Наденьте маску. Сейчас.

Несса достала из чемоданчика фарфоровую маску из матового белого фарфора. Холодный материал прилег к коже лица, заставив ее вздрогнуть. Она завязала шелковые ленты на затылке.

Мир мгновенно изменился. Прорези для глаз ограничились обзор, а собственное дыхание стало громким, влажным, отражающимся от фарфора прямо ей в лицо.

Тяжелая решетка за ее спиной с оглушительным грохотом опустилась в воду.

Внутреннее пространство палатки поражало масштабом и гнетущей, порочной роскошью.

Это был гигантский трехъярусный атриум.

Центральная часть зала была затоплена по колено темной водой лагуны, в которой отражались сотни свечей на плавающих бронзовых канделябрах. По периметру бассейна за столами из мореного дуба сидели десятки людей. Все в вечерних нарядах, все в масках - от традиционных белых до косяных и металлических конструкций.

Здесь не было громкого смеха. Гости разговаривали вполголоса, и этот глухой, шуршащий шепот смешивался со всплесками воды. Воздух был плотным, тяжело перенасыщенным ароматами дорогого парфюма, засушенной розы, воска и острого шлейфа сухого озона.

Несса поднялась по мраморной лестнице на второй ярус - галерею. Сердце колотилось в горле с такой силой, что кружилась голова. Пальцы до белизны суставов сжимали ручку чемоданчика.

«Я найду фолиант, оценю его подлинность, предложу им свои услуги по бесплатной реставрации... я просто предложу все свои сбережения», — гипнотизировала она себя.

Но это была судорожная, наивная попытка обмануть саму себя. Несса чувствовала, как рушатся ее последние иллюзии. Настоящий мир, куда она так опрометчиво шагнула, не имел ничего общего с привычной тишиной архивов.

Это был мир колоссальных денег, абсолютной власти и холодной, безжалостной жестокости.

Вдруг внизу раздался тяжелый, глухой удар деревянного молотка.

Шепот за столами мгновенно стих.

— Первая сессия Ночи Седьмой объявляется открытой, — прозвучал из скрытых колонок искаженный голос аукциониста. — Лот номер один. Живопись. Школа Караваджо, «Поцелуй Иуды», 1610 год. Стартовая цена - два миллиона евро.

Несса сжала мраморные перила галереи.

Двух миллионов у нее не было. У нее не было даже двадцати тысяч. Всё, что она смогла скопить за годы адского труда в мастерской, казалось здесь пылью, ничтожной горсткой медяков.

Земля окончательно ушла из-под ног. Паника - дикая, всепоглощающая паника - сломала ее тонкую внутреннюю защиту. Каждая клетка ее тела кричала об опасности.

Ее обманули. Ее заманили в место, где значение древних книг и искусства было лишь дорогой игрушкой для богатых монстров, швыряющих миллионами ради забавы.

И именно в этот момент, пытаюсь заглушить тошнотворный страх, Несса судорожно оглядела противоположную сторону галереи.

Там, в тени массивных готических колонн, стояли две фигуры. Они не сидели за столами, не пили шампанское и не смешивались с толпой. Они возвышались над залом как два немых, темных божества.

Один из них стоял чуть впереди у стрельчатого окна.

Высокий, безупречно сложенный, в идеальном темно-се-

ром костюме-тройке. На его лице блестела серебряная маска, улавливающая отблески плавающих свечей. От всей его фигуры веяло ледяной, аристократической опасностью.

А за его плечом, утопая в глубокой тени массивного портика, высился второй.

Он был шире в плечах, от него исходила тяжелая, дикая, почти животная сила. На нем не было фрака - лишь расстегнутая черная рубашка и кожаное пальто. Лицо закрывала угловатая, грубая маска из черного матового металла с узкой прорезью для глаз.

Они не произносили ни слова, но невидимый, физически ощутимый вектор их внимания был направлен... прямо на неё.

Несса чувствовала, как их двойной взгляд сквозь фарфор и металл прожигает её насквозь. Сердце сделало болезненный сбой, а по спине прокатилась ледяная волна.

Они видели её несоответствие этому миру, видели её панику, видели её уязвимость.

— Продано синьору в серебряной маске за четыре миллиона, — донесся снизу громкий голос аукциониста.

Незнакомец в серебряной маске на противоположной галерее медленно приподнял свой хрустальный бокал - едва заметный, точеный жест, адресованный только Нессе.

Это стало последней каплей. Тошнотворная волна стыда и отчаяния накрыла её с головой. Несса почувствовала себя настолько крошечной, беспомощной и глупой, что горло

сжал спазм.

Она резко развернулась, надеясь сбежать в коридоры, найти любой боковой выход или спрятаться в самой темной нише. Но, пробежав несколько метров по галерее, уперлась в дубовую дверь с массивным железным заслоном.

Остров был закрыт. Выхода из палатки не было до окончания сессии.

Несса прижалась спиной к влажному камню стены, тяжело и рвано дыша через фарфор маски. Ее зеленые глаза в темноте коридора расширились от ужаса.

Она оказалась в ловушке - совершенно одна, среди десятков масок, за которыми скрывались самые опасные люди Европы.

И именно в этот момент, когда её моральное состояние рухнуло на самое дно, в полной тишине пустого коридора галереи, она слышала шаги.

Уверенные, медленные, гулкие шаги, отчеканивающие каждый сантиметр каменного пола и приближающиеся к её укрытию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.